

ЮДАКИН А. П.

# ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ АКТИВНОГО ПРИЧАСТИЯ

(На материале индоевропейских и семитских языков)

1. Соотношение именного и глагольного предложения с перфектом и имперфектом. Язык — сложное общественное явление, имеющее свои собственные законы развития. Некоторые из них проявляются во всех основных ярусах языка: лексике, фонетике, морфологии, синтаксисе и т. д. — это так называемые общие законы; другие действуют в одном из ярусов языка или в пограничных областях, цементируя язык как феномен в сложное целое [1, 2].

В данной статье обращается внимание на то, как работает один из частных законов в семитских языках, а именно, как осуществляется преобразование активного причастия в настоящее время, какие предпосылки играют существенную роль в оформлении результативного аналитического перфекта и какое значение имеет для этих процессов оппозиция действие ~ состояние. Будет рассмотрен также вопрос о возможности трансформации пассивного причастия настоящего времени в активное и затронута проблема взаимоотношения активного и пассивного залогов, а также предпринята попытка проследить пути нарушения противопоставления активности ~ пассивности, с тем, чтобы выяснить возможность появления в той или иной группе языков эргативной конструкции предложения с подлежащим в особом эргативном падеже (или в одном из косвенных падежей), сказуемым, согласующимся со своим прямым дополнением, при активном значении самой конструкции.

Нас будет интересовать лексическая параллель лат. *parens* — *genitor*, но не семантика данных слов, а морфологические явления, которые способствовали образованию категории слов со значением имени деятеля на основе причастий. Первое из этих слов хорошо известно как из латыни, так и из новых европейских языков — наследников латыни: итал. *parente* «родственник», рум. *părinte* «родитель», франц. *parent* «родственник» — *parents* «родители». В латыни *parens* «родитель», «родительница» образовано от глагола *pario, peperi, partum* «рожать, производить на свет»; следовательно, данное слово является субстантивированным причастием (*participium praesentis activi*) и имеет значение имени деятеля.

Слово *genitor(m)* — *genitrix(f)* с тем же значением образовано от глагола *gigno, genui, genitum* «рожд(д)ать, производить на свет» и отличается от первого своей более древней, но менее разветвленной родословной. *Genitor* — *genitrix* также является именем деятеля, но оно значительно старше *parens* и имеет соответствия во многих древних и.-е. языках: др.-греч. *γενέτωρ*, санскр. *janitrī* и т. д. А вот в новых и.-е. языках, в том числе и романских (кроме итальянского), вероятно, это слово утрачено, что еще раз может свидетельствовать о большей древности *genitor* сравнительно с *parens*. Впрочем, и последнее стало терять свои позиции, судя по тому, что в некоторых языках в семантическом поле родства оно вытесняется на периферию: исп. *los padres* «родители» (от *padre* «отец»), но *pariente* «родственник».

Думается, что в основе процесса образования имени деятеля от акт. причастий лежит оппозиция действие ~ состояние. Оппозиция действие — недействие кажется нерелевантной при первом подходе к решению данной проблемы, но на деле заслуживает рассмотрения, а при исследовании

лингвистических фактов сразу же встречаются серьезные методические трудности [3]. И порою нет твердых критериев для определения границ, где заканчивается действие и процесс стремится к нулю, переходя в свою противоположность. Действие передается не только глаголом; существительные с неменьшим успехом обозначают действие в его развитии и становлении: *создание, творение, горение* и т. п. в русском языке; абстрактные имена действия в различных языках; масдары (*nomina actionis*) в семитских языках: в араб. *ṣugḥun* «занятие», *ʿilmun* «знание, наука», *dahābun* «уход, отъезд», *raḥīlun* «отправление в путь» и проч. С другой стороны, глаголы обозначают не только действие, но и характер протекания действия (однократность — многократность, совершенность — несовершенность и проч.), а также состояние или действие и состояние одновременно (*спать, радоваться, горевать*).

Можно ли обнаружить в семитских языках существование рассматриваемой нами оппозиции действие ~ состояние и если да, на каком уровне грамматики она проявляется? Оказывается, семитские языки знают оппозицию действие ~ состояние и проявляется она, как и в русском языке, уже в лексике (точнее, на лексико-грамматическом уровне).

В современном арабском языке есть три модели глагола нерасширенной основы — I порода<sup>1</sup>. Типовым гласным простой нерасширенной основы может быть один из трех кратких гласных *a*, *i* или *u*. Действие обозначается наиболее часто встречающейся формулой *fa'ala* (*baraḥa* «сверкать», *jalasa* «сесть», *kasara* «разбивать»). Глаголы модели (*fa'ila*) и (*fa'ula*) обыкновенно называются нейтральными, ввиду того, что они выражают действие не активное и не пассивное. В силу своей внутренней семантики эти глаголы передают временное состояние (тип *fa'ila*: *marīḍa* «быть больным», *fariḥa* «радоваться», *nāma* «спать»), свойство или постоянное качество (тип *fa'ula*: *ḥasuna* «быть хорошим, красивым», *kabura* «быть большим», *kabūḥa* «быть безобразным»), т. е. можно сказать, что подобные глаголы выражают состояние или качество, относящиеся к лицу, грамматически выраженному подлежащим, но которые не могут относиться к другому лицу как объекту действия. Кроме того, состояние наряду с действием и его становлением могут передавать и расширенные (производные) основы, например, IV порода: *'ajdaba* «быть пораженным засухой», от *jadaba* «быть сухим» (о земле), а также нейтральные глаголы корней III<sub>y</sub> I породы («недостаточные» глаголы типа *raḥiya*, *baḥiya*, *banā*) [5; 6, §. 139; 7].

Чтобы проследить, как манифестируется оппозиция действие ~ состояние, необходимо исследовать, в чем заключается сущность противопоставления перфект ~ имперфект в арабском языке, и выяснить, соответствует ли эта оппозиция противопоставлению аориста и презенса и.е. праязыка. Арабский перфект как время результативное может выражать состояние, возникшее в результате действия, совершенного в прошлом. Часто это имеет место при глаголах, выражающих чувства, ощущения, душевное состояние (*'araftu* «я узнал, знаю», *fahimtu* «я понял, понимаю», *raḍitu* «я доволен»). Это явление имеет аналогию в других языках (ср. лат. *novi* «я знаю», *memini* «я помню», *odi* «я ненавижу» и проч.). Имперфект обозначает действие или состояние безотносительно к какому-либо моменту, т. е. как постоянно происходящее. Таким образом, перфект и имперфект в самой своей сути противоположны уже тем, что перфект сообщает действию оттенок состояния, а имперфект приписывает состоянию оттенок действия. Только основываясь на этом, можно положительно решить спор о том, имеет ли перфект типа *katala* именное происхождение [8—11]. Перфект в силу своей семантики является неустойчивым образованием и представляет собой тот канал, благодаря которому расширяется

<sup>1</sup> Б. М. Гранде дает следующее определение породы глагола: «Из общего количества расширенных глагольных основ... некоторые являются более или менее регулярными, хотя не от каждого корня. Они объединяются вместе с простой основой в единую систему глагольных форм и представляют собой как бы ряд спряжений, параллельных спряжению начальной простой основы. Эта группа расширенных основ известна под названием глагольных п о р о д» [4, с. 122].

сфера влияния глагола за счет имени. Поэтому можно с определенной степенью уверенности утверждать, что имена, обозначающие действие и состояние типа араб. прич. наст. вр. *fā'ilun*, со временем превратятся в чистые глагольные формы, что и демонстрируется развитием данного прич. в наст. время как в арабском, так и в других семитских языках. Этим моментом действия глагольные предложения в имперфекте отличаются от именных предложений. Если именные предложения передают состояние, а также качество и признак предмета в общем виде, благодаря чему в именном предложении и ощущается присутствие настоящего момента, имперфект сдвигает это безотносительное, обобщенное настоящее в плоскость действия.

Самой собой разумеется, сказанное выше не является исключительной особенностью арабского или, шире, семитских языков. Языковые категории формируются медленно, и не сразу в них полно и четко отражается объективная реальность. Поэтому сначала они употребляются с прегнантным, расширительным значением, зачастую функционируют параллельно, взаимно заменяя друг друга. Когда арабский язык характеризовали видо-временные отношения глагола и еще не установились сложные аналитические временные формы, так называемый арабский перфект с соответствующими актуализаторами употреблялся для обозначения как результативного, так и нерезультативного прош., а также наст. и буд. времен (ср. также с употреблением в русском языке наст. вр. вместо прош. повествовательного и буд.: *Я иду завтра в горы*). То же справедливо и относительно арабского имперфекта.

Подобные же процессы приходится признать справедливыми и в отношении и.-е. языка периода, предшествующего периоду с четким противопоставлением инфекта и перфекта, которое мы наблюдаем, например, в латинском языке. Этот период относится примерно к младшему СИЕ (среднеиндоевропейскому, по классификации Н. Д. Андреева [12]) и характеризуется противопоставлением аориста и презенса, которое аналогично оппозиции перфект ~ имперфект арабского языка. То, что данная оппозиция была нечеткой и что аорист использовался для обозначения как результативного, так и нерезультативного прош., видно из дифференциации времен по употреблению и названию, например, в др.-греч. *praesens historicum* — наст. в значении прош., *aoristus gnomicum* — гномический аорист, употребляющийся в крылатых выражениях в значении наст. вр. и соответствующий арабскому гномическому перфекту, и т. п.

2. От причастия настоящего времени к имени деятеля. Наиболее распространенным является мнение, согласно которому причастия выражают как действие, так и состояние, проявляемое данным лицом или предметом (или испытываемое им) безотносительно к моменту времени [4]. Эта формулировка требует уточнения.

Прич., будучи отглагольным образованием, имеет точки соприкосновения с глаголом и именем (существительным и прилагательным). Но если бы прич. обозначали только действие или использовались для дифференциации временного плана [6, S. 331], надобность в них отпала бы и они растворились бы в категории глагола — и история языка знает подобные случаи (слав. прич. на -л: *читал, разговаривал*; лат. прич. на -lo и т. п.), и уж ни в коем случае прич. не представляло бы удобного материала для именных образований. Основным значением прич. должно быть нечто такое, что служило бы источником для обогащения именного класса и в то же время способствовало употреблению прич. в предложении наравне с глаголом. Таким основным значением прич., вероятно, может быть только момент статичности, состояния. Выше отмечалось, в какой степени момент состояния пронизывает глагольные категории, реализуясь как в плане наст.-буд. времени, так и прош. Но вполне понятно, что категория состояния наиболее полно должна реализоваться в таких формах, которые в какой-то мере нейтральны в отношении основных глагольных категорий: времени, вида, действия и т. д. В арабском языке такими удобными формами являются действ. и страд. причастия. Именно благодаря выражаемому причастиями значению состояния как наиболее об-

щей категории устанавливается их тесная связь как с глаголом, так и с именем существительным.

Посмотрим, как реализуется эта двусторонняя связь. Статичность, состояние уже в силу своей внутренней потенции предполагает наличие настоящего момента в наиболее общем виде или возможности совершить действие, поэтому прич., маркированное в предложении соответствующими лексическими показателями, такими, как наречия и частицы, поддержанное главной глагольной формой или же всем контекстом, может обозначать второстепенное действие, грамматически реализуя лексическое наполнение опорной словоформы. Этой метаморфозе прич. благоприятствует весь наличный контекст языка: поскольку именное предложение мыслится носителем языка в плане наст.-буд. времени, связанная с глаголом форма даже на изолированное именное предложение накладывает яркий отпечаток действия: русск. *он учитель, студент и он учащийся, трудящийся*; араб. *huwa dāhibun, kātibun* «Он идет, пишет» (букв. «он идущий, пишущий»). И это действие мыслится как совершаемое в настоящем, будущем и прошедшем [13, S. 2]. Предрасположенность к выражению действия, заключенная в категории состояния, помогает реализовать через прич. форму и различные модальные оттенки; именно поэтому возможно употребление действ. прич. в футуральном значении, финальном и т. д. [14]. Сближение прич. с глаголами действия реализуется и в области синтаксиса: оно управляет теми же падежами, употребляется с теми же предлогами, что и однокоренной глагол. Русск. *я вижу, видящий кого-л., махать, махнувший кому, на кого-л.*; араб. *dahaba, dāhibun 'ilā* (предлог 'ilā) + род. п. «он шел, идущий к», *kataba, kātibun šay'an* «писал, пишущий» (что-л. — вин. п.) [4, с. 449—451].

С другой стороны, момент статичности в действии, выражаемом причастием, облегчает переход акт. прич. в *nomen agentis* — имя деятеля (действователя) и страд. прич. в имя *patientis* — *nomen patientis*. В идеальном плане этот переход можно представить как стяжение прич. — сказуемого именного предложения с подлежащим этого предложения. Как в случае глагольного употребления к прич., имеющему только лишь значение активного или пассивного состояния, подключается контекстуальное значение времени, лица и проч., точно так же на прич. в именной функции распространяется значение действующего лица в самом общем виде. Упрощенно это можно представить так: *huwa — kātibun, dāhibun* «он — состояние писания, хождения» — «он тот, кто находится в состоянии писания, ходьбы». После того как сема *huwa* «он» вписывается в круг основных значений прич., становится возможным употребление данного прич. в качестве имени деятеля как в функции подлежащего, так и функции сказуемого именного предложения.

Если сема «деятеля вообще» не растворяется нацело в прич., а в виде местоименных аффиксов присоединяется к акт. прич., возникает форма, обозначающая длительное состояние (длительную деятельность) типа аккадского пермансива: аккад. *šinništum šūl ašš-at* (3-е л. ж. р.). «эта женщина — не жена»; *nakar-āta* (2-е л. м. р.) «ты — враг».

Именно трансформацией акт. прич. в двух направлениях и объясняется двойное управление этого именного образования: управление глагольное и именное. Последнее древнее по происхождению [15]. И едва ли правомерно объяснение род. п. при имени деятеля как род. при перфективном прич. (араб. *kātilu Zaidin* «тот, кто убил Зейда — убийца Зейда») [13, S. 175], ибо глубинная структура *nomina agentis* включает семы перфективности, имперфективности, финальности, намерения и проч. [16, с. 62].

Прич. арабского языка образуют систему противопоставлений. Прежде всего акт. и пас. прич. соотносятся между собой. К этому нужно добавить, что в действ. прич. преобладает момент действия, и, значит, они соотносятся с финитными формами глагола: имперфектом (в первую очередь) и перфектом. С имперфектом их связь наиболее четко проявляется в тех случаях, когда прич. наряду с имперфектом употребляются для обозначения наст.-буд. времени (явление, характерное для многих семитских

языков [17]). В языке маалула в этом случае к прич. прибавляются префиксы имперфекта *nhōreb* «я пишу», *ḥhōreb* «ты пишешь», что соответствовало бы в арабском, имей он категорию спрягаемого прич., \**a-kātib-u, ta-kātib-u*. В других языках активные прич. в соединении с глаголом «быть» употребляются для обозначения перфекта [18]; например, в тигре *māse' hallekō* (*halle* «быть» «я пришел»). Иногда в подобных случаях вспомог. глагол сочетается не с прич., а с инфинитивом, как в амхарском. Страд. прич. в силу свойственного пассивности значения перфективности, сближаясь с финитными формами глагола, соотносятся с пассивным перфектом, а также имперфектом.

Таким образом, своим оригинальным значением активное прич. сближается с имперфектом, при этом значение состояния, характерное для его глубинной структуры в прошлом, затемняется или исчезает — в результате чего акт. прич. в некоторых семитских языках порой тождественно имперфекту; тот же процесс исчезновения состояния захватывает и страд. прич., но в нем эта трансформация состояния происходит в сторону результативности, благодаря чему у страд. прич. появляется все большее число точек соприкосновения с перфектом.

Выступая в предикативной функции в именном предложении, прич. (акт. прич. более употребительны) вступают в новую оппозицию, оппозицию с именным предложением в целом, в котором преобладает момент статичности. Благодаря этой функции прич. в именном предложении последнее еще больше сближается с имперфектом — точкой их соприкосновения служит обозначение наст. времени. Но основным в значении имперфекта и именного предложения является не момент общности, а момент различия — образование оппозиции статичность ~ нестатичность (динамичность). Этот момент различия проявляется и в противопоставлении именное предложение ~ перфект. Возможность обозначения состояния в какой-то мере сближает именное предложение и перфект, но в последнем состоянии сдвинуто в сторону результативности. Именное предложение смыкается с перфектом при обозначении состояния в плане прошлого. В этом случае в именном предложении употребляется вневременной глагол *kāna* «быть», который нейтрализует присущее именному предложению значение обобщенного наст. времени, перекладывая именное предложение в сферу прошлого. Ср. попарно: *'anā ṭālibun* «я студент» и *'anā kuntu ṭāliban* «я был студентом». Как в русском, так и в арабском языках переключение именного предложения в сферу прошлого сопровождается изменением им. предикативного в твор. предикативный (русс.) или вин. предикативный (араб.).

3. Существует ли сходство в диахронии семитских и индоевропейских языков? Индоевропейские *ta-* причастия в функции имени деятеля и активного причастия. На примере арабского языка мы видели, что в определенный период истории языка прич. наст. времени (акт. прич.) создают базу для появления и распространения в языке *nominum agentis*. Уместно поставить вопрос, был ли в и.-е. период, похожий на аналогичный в истории арабского языка? Для ответа на этот вопрос рассмотрим *nomina agentis* в различных и.-е. языках. Обращает на себя внимание факт наличия во многих и.-е. языках имени деятеля с суф. *-tor/-ter*: санскр. *dātṛ* «податель», *janitr* «отец, родитель»; авест. *jan̥tar* «убийца»; др.-греч. δῶτωρ (δωτήρ) «даятель, податель», ἡγέτωρ (ἡγύτωρ) «вождь, предводитель»; лат. *dator* «даятель», *victor* «победитель»; русск. *податель*, *учитель* и т. п. Некоторые языки древности сохранили определенный лексический фонд, в котором слова, имеющие значение имени деятеля, имеют вместе с тем и причастное значение. Например, санскр. *dātṛ* «дающий» и *dātṛ* «податель» — с различием в вокализме и в тоне и т. д. Зачастую подобные *nomina agentis* сохраняют и соответствующее управление — глагольное или именное: санскр. *dātā vāsuni* «дающий богатства» (вин. п.) и *dātā vāsūnām* «даятель богатств» (род. п.) [16, р. 28—44]. Еще одно сравнение имени деятеля, а именно с некоторыми немногочисленными словами, обозначающими родство и образованными с помощью суф. *-r* (ар)

типа *devī* «тесть», *svāsī* «сестра», *nānāndr* «зять» и т. д., убеждает, что при реконструировании данного типа прич. мы должны исходить из того, что суф. здесь будет \*-to/-te. Различие в тоне и в вокализме, по всей вероятности, явление позднее, послужившее началом для образования омонимов, — слов, близких к прич. и имени деятеля.

Вспомним еще об одном суффиксе — суф. \*-no, встречающемся в ряде и.-е. языков: санскр. *puṇa*, лат. *plenus*, литов. *pilnas*, церк.-слав. *plъnъ* «полный, наполненный». Таким образом, можно реконструировать акт. прич. с суф. \*-to/-no, может быть, правильное \*-t/-n. Но факты любого древнего и нового языка протестуют против подобной реконструкции. Данные санскрита, древнегреческого, латинского и русского языков свидетельствуют об обратном (ср. русск. *битый, мытый* и проч.), а именно о том, что прич. на \*-to/-no являются прич. соверш. вида страд. залога. В принципе можно было бы исходить из положения Э. Бенвениста о том, что данный суффикс имел два варианта \*-t/-th- [16, р. 163], но, думается, обосновывать противоречивые положения не менее спорными доказательствами нецелесообразно. По-видимому, нужно начать с другой стороны.

4. Минимальный набор значимых единиц в структуре глагола на ранних этапах развития языка. В и.-е. языках есть еще nomina agentis типа лат. *parens* «родительница», *agens* (юр.) «истец, жалобщик; ревизор, сысканой агент» (от основы инфекта глагола *ago* «гнать, вести; руководить»), иногда находящие соответствие в более древних моделях на -tor/-ter. *Genitor/-trix* «родитель, -ница» сходно по значению со словом *parens* и происходит от глагола *gigno*, семантически эквивалентного глаголу, давшему начало имени *parens*, с той разницей, что слово *genitor/-trix* образовано прибавлением суффиксов к основе перфекта; *actor* «жалобщик, истец; действующий, приводящий в движение; (театр.) декламатор» — производное от перфектной основы (точнее, от основы супина) того же глагола *ago, egi, actum*, что и слово *agens*, посредством суф. -or, и частично имеет сходное с ним значение. Суф. -tor/-ter присоединялся прежде, по всей вероятности, к основе перфекта, но в дальнейшем после приобретения *ta*-причастиями перфективного значения, когда -t- стало восприниматься как грамматический показатель, суф. -or/-er стал употребляться по преимуществу как лексический показатель имени деятеля. В таком значении он и употребляется в большинстве современных западноевропейских языков: англ. *actor, founder*, итал. *attore, fondatore*; нем. *Schauspieler, (Be)gründer*; франц. *acteur, fondateur*; (а также) русск. *актер* (заимствование), *основатель* и т. д.

Имя деятеля на \*-(e)n(t)s имеет точки соприкосновения с прич. наст. вр. на -(e)nt-. Данные прич. сохранились в большом массиве и.-е. языков в виде прич. же наст. вр., прилагательных, изредка nomina agentis. Все и.-е. языки свидетельствуют о том, что мы имеем дело с акт. прич. наст. времени. Но в некоторых, языках, например, в палайском, очень близком к хеттскому, прич. на -nt-, по-видимому, может выступать и в активном, и в пассивном значении<sup>2</sup> [20, с. 151]. В другом анатолийском языке, лувийском, наряду с акт. прич. на -nt-, образующимся от интранзитивных глаголов, имеется медиопассивное прич. на -mi от транзитивных глаголов. Очевидно, утверждение, будто прич. на -nt- — это акт. прич., не так уже бесспорно. В силу этого не кажутся вполне убедительными доказательства того, что прич. на -nt- всегда были пассивными прич. Вероятно, нет веских оснований для опровержения точки зрения, согласно которой активные прич. имеют идеальную точку соприкосновения с именами деятеля. И, следовательно, в латинских страд. прич. соверш. вида произошла смена активности и имперфективности на пассивность и перфективность.

Некоторые авторы [20, с. 163] отмечают связь форм 3-го л. ед. ч. наст. вр. медиопассива типа -tor с формами имен на -tor/-ter типа хет. *i-tar* (от

<sup>2</sup> Ср. также данное положение с амбивалентностью прич. (т. е. использованием одного и того же разряда прич. в качестве действительных и страдательных) в неиндоевропейских языках [19, с. 136].

и- «идти»), лат. *iter* (от *eo, ii, itum, ire* «идти»), тохар. *ytar* и т. д., полагая, что отглагольные имена на *-tor/-ter* могли функционировать в качестве чистой основы для обозначения глагольной формы 3-го л., что приводило к переосмыслению элемента *-t-* в данных формах, который был сопоставлен с *-t-* в первичных и вторичных окончаниях 3-го л. ед. ч. Это сложный и неудобный путь доказательства, к тому же и не такой уже непротиворечивый. Проще (а, может быть, и правильнее) начинать доказательство с сопоставления этих лексических реликтов с *nomina agentis*, включающих в себя сему имперфективности (сему несоверш. вида, переходящую в сему наст.-буд. времени, — то, что мы наблюдаем в имперфекте семитских языков). Сопоставление прямое без каких бы то ни было переосмыслений и аналогий — сопоставление с самим имперфектом (наст.-буд. временем несоверш. вида). Таким образом, не исключена непосредственная связь и родство форманта *-t-* в суф. имени деятеля на *-tor/-ter* и показателя имперфектности *-t* в первичных и вторичных окончаниях 3-го л. ед. ч. Говоря иными словами, в оппозиции *videt — vidētur* («он видит» — «его видят») в первом случае выступает чистое прич., во втором — представлено прич., отягощенное более поздними показателями медиопассива, — по традиционной версии. В этом случае мы имеем дело с формантом *-t-*, еще не реализовавшим свое пассивное значение, и, наоборот, пассивное значение прич. на *-nt-*, коль таковое было, уже исчезло и наступило временное равновесие форм.

Таким образом, в рассматриваемый период истории и.-е. языка прич. на *-nt-* и прич. на *\*-n/-t* составляют оппозицию, реализуемую в различных формах: *videt — vident, videtur — videntur* («он видит» — «они видят», «его видят» — «их видят»). Втягивание активных прич. в парадигму наст.-буд. времени мы наблюдаем во многих семитских языках. В окончательном виде реконструкция форм (морфология глагола и.-е. языка, примерно равная младшему СИЕ по классификации Н. Д. Андреева), будет выглядеть так: перфект (аорист <sup>3</sup>): активное прич., имперфект (презенс): пассивное прич. При этом по крайней мере в и.-е. и семитских языках возможна трансформация рассматриваемых категорий в пределах оппозиций <sup>4</sup>.

Итак, мы попытались показать, что отглагольные имена, имеющие точки соприкосновения как с именем, так и с глаголом, уже в силу своего срединного положения заключают в себе сему (значение) агентивности и, следовательно, при определенных условиях могут служить базой для организации субъекта предложения (имя деятеля) и его предиката в соединении со вспомог. глаголом «быть», при этом причастия наст. вр. формируют наст. аналитическое время, причастия прош. вр. образуют прош. аналитическое время (перфект). Этим же объясняется возможность возникновения в языке эргативобразной конструкции предложения на базе причастий соверш. вида прош. времени. Правда, это не объясняет, почему в и.-е. языках, в которых имеется эргативобразная конструкция, ее становление происходит именно на основе причастий прош. времени соверш. вида, но, думается, на это прольют свет дополнительные исследования [см. 21, с. 204—263].

5. Структура причастий в арабском и русском языках. Гипотеза о структурно-типологическом сходстве языков в диахронии. На первый взгляд, между русским и арабским языками существует определенное структурно-типологическое сходство. Начнем с глагола, поскольку глагол выражает вполне законченную мысль и глагол необходим и вполне достаточен для выражения элементарных предложений. В отношении 3-го л. существительное выступает в роли актуализатора: русск. *светит/он(а, о) светит/солнце светит*, араб. *ḡahaba* «(по)шел»/ḡahaba «он (по)шел»/ḡahaba *aṭ-ṭālibu* «студент (по)шел». Существительное конкретизирует действие

<sup>3</sup> За скобками терминология, принятая в семитских языках, в скобках — в и.-е. Разницей в терминологии указывает на неполное совпадение категорий в объеме.

<sup>4</sup> Не учитывается возможность типологического сходства становления грамматических категорий в различных языках не в плане синхронии, а в плане диахронии.

глагола, приписывая его тому или иному лицу или предмету. Относительно 3-го л. и глагол является актуализатором, проникая в царство имени существительного, в сферу именного предложения. В этом случае глагол входит в состав именного сказуемого и служит в предложении связкой и полусвязкой. Данные рассуждения позволяют при сравнении языков, особенно в области синтаксиса и морфологии, исходить из глагола.

При первом приближении отмечаем некоторое сходство в морфологии глагола: глагол как в русском, так и в арабском характеризуется видо-временными отношениями [22—27]; как в том, так и в другом языке есть прош. время (в русском — аорист, в арабском — перфект, служащий для обозначения действий совершенных и несовершенных); есть наст. время, которое служит в обоих языках для обозначения прош., наст. и буд. времени. Наст. время выражается формально, остальные с помощью актуализаторов-наречий.

Но, делая следующий шаг, мы сразу же замечаем колоссальное различие, и не только в морфологии вида и времени; например, в русском языке повторность проявления действия передается синтактически, посредством внутренней флексии (*ходил — хаживал*), в арабском — аналитически (*ḡahaba — kāna yaḡhabu*). Рассмотрим причастия. По определению, это форма слова, обладающая признаками имени и глагола. Если не жонглировать словами и строго придерживаться этого определения, причастием мы можем назвать такую форму слова, которая функционирует в качестве определения к существительному или служит сказуемым предложения — в данном случае гибридного глагольно-именного предложения. И обратно, если форма слова имеет признаки существительного и глагола, но не в состоянии исполнять основную глагольную функцию — быть предикатом, то, по всей вероятности, мы не имеем права данную глагольную форму причислить к разряду причастий. Исходя из этого положения, мы можем сделать вывод, что в арсенале русского языка всего лишь два причастия: страд. прич. наст. вр. с суф. -*им* (*Мною ты была любима и для милого хранима*) и страд. прич. прош. вр. с суф. -*т*, -*н(и)* (*Будешь бит, дорогой, коль споткнешься нечаянно в жизни; вспаханное поле, поле было вспахано*), в функции предиката выступающие в краткой форме, в функции определения к имени — в полной форме, т. е. статус страд. причастий в русском языке закреплен формально и функционально. Что касается действ. причастий наст. вр. на -*ащ*, -*ущ* (*видящий, страдающий*) и действ. причастий прош. вр. на -*ш*, -*вш* (*видевший, страдавший*), даже в функции предиката стоящих ближе к имени, — действ. прич. наст. вр. — или вовсе лишенных предикативности, — действ. прич. прош. вр. — то их, по-видимому, целесообразней отнести к отглагольным прилагательным. Арабский язык располагает двумя типами причастий: прич. действ. залога (модель I породы: *kātibun* «пишущий», *ḡāhibun* «идущий») и страд. залога (для I породы: *maktūbun* «написанный», *taḡfūlun* «закрытый»).

Следовательно, при втором приближении причастия нам сигнализируют, что, проводя сравнение в области морфологии глагола, мы упустили из виду что-то существенное. Тем самым ликвидируется основа сравнения и мы вынуждены признать, что в синхронии искать большего сходства не следует. Другое дело, что по истечении какого-то промежутка времени, промежутка огромного, потомок арабского языка в результате развития может приобрести больше сходных структурно-типологических черт с современным русским языком. Но это уже будет сходство в диахронии.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Кацнельсон С. Д. Звуковые законы и их внутренние механизмы. — В кн.: Теория языка. Ангlistика. Кельтология. М., 1976.
2. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. Под ред. Серебренникова Б. А. М., 1973, с. 65—83.
3. Godel R. Verbes d'état et verbes d'événement. — CFS, 1950, t. IX.
4. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики. М., 1963.

5. *Wright W.* A grammar of the Arabic language. V. 2. Cambridge, 1955, p. 50.
6. *Brockelmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Bd. 2. Syntax. Hildesheim — Olm, 1961.
7. *Braumann M. N.* The Aramaic nomen agentis qatal and some similar phenomena of Arabic. — BSOAS, 1971, t. 34.
8. *Fleisch H.* Sur le système verbal du sémitique commun et son évolution dans les langues sémitiques anciennes. — MUSJ, 1947—1948, t. XXVII.
9. *Gelb I. J.* The origin of the West Semitic qatala morpheme. — Symbolae Kurylowicz. Warszawa, 1965.
10. *Kurylowicz J.* Le système verbal du sémitique. — BSL, 1949, t. XLV (130).
11. *Rundgren R.* A propos d'une hypothèse nouvelle concernant la provenance du morphème qatal-a. — OS, 1965—1966, t. XIV—XV.
12. *Андреев Н. Д.* Периодизация истории индоевропейского праязыка. — ВЯ, 1975, № 2, с. 18.
13. *Reckendorf H.* Arabische Syntax. Heidelberg, 1921.
14. *Brockelmann K.* Arabische Grammatik, Paradigmen, Literatur, Übungsstücke und Glossar. 15. Aufl. Leipzig, 1962, S. 126.
15. *Soden W. von.* Grundriss der Akkadischen Grammatik. Roma, 1952, S. 201.
16. *Benveniste E.* Noms d'agent et noms d'action en indo-européen. Paris, 1948.
17. *Brockelmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Bd. 1. Hildesheim — Olm, 1961. S. 58.
18. *Mitchell T. F.* The Active Participle in an Arabic Dialect of Cyrenaica. — BSOAS, 1952 t. XIV.
19. *Панфилов В. З.* Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М. — Л., 1965.
20. *Иванов Вяч. Вс.* Хеттский язык. М., 1963.
21. *Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
22. *Ковалев А. А.* К вопросу о временных формах арабского глагола. — Тр. ВИНЯ, 1952, № 1.
23. *Храковский В. С.* Категориальное значение исходных форм в классическом арабском языке. — ФН, 1960, № 2.
24. *Brockelmann K.* Die «Tempora» des Semitischen. — ZPhon, 1951, Bd. V, Hf. 3—4.
25. *Castellino G. R.* The Akkadian personal pronouns and verbal system in the light of Semitic and Hamitic. Leiden, 1962.
26. *Meyer R.* Zur Geschichte des hebräischen Verbums. — VT, 1953, t. III.
27. *Rundgren R. F. F.* Das althebräische Verbum: Abriss der Aspektlehre. Stockholm, 1961.